

Лавров
Кирилл

09.09.05
13

Кирилл ЛАВРОВ: «Мы всегда старались обдурить цензуру»

Андрей Морозов

В ЭТИ ДНИ ВСЕНАРОДНО ЛЮБИМЫЙ АКТЕР Кирилл Лавров, знакомый миллионам россиян по таким крупным ролям в кино, как, например, Ленин и Королёв, готовится отметить свое 80-летие. В день рождения, 15 сентября, ему преподнесут море цветов и подарков. Еще в начале этой недели был подписан указ о награждении Лаврова орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени. Однако самым желанным подарком для него – главы Питерского Большого драматического театра – станет премьера спектакля «Квартет». В этой постановке юбиляр выйдет на сцену со своими давними друзьями Олегом Басилашвили, Алисой Фрейндлих и Ниной Усатовой. Накануне 80-летия Кирилл ЛАВРОВ поведал «Новым Известиям» секреты своей жизни, о которых раньше никому не говорил.

– Кирилл Юрьевич, на вашей памяти война, времена хрущевской оттепели, брежневского «развитого социализма» и горбачевской перестройки. Вы всю жизнь «на коне», и в отличие от многих ваших коллег во все времена вас любили и уважали. Признайтесь, наверняка ведь у вас были покровители во власти?

– Я так скажу – ко мне всегда хорошо относились любые власти. Почему – не знаю. Может быть, в силу того, что у меня были такие роли? Я даже ничего плохого не могу сказать об отношении ко мне бывшего первого секретаря Ленинградского обкома Григория Васильевича Романова. Лично ко мне он относился уважительно.

– Считаете, что во власти могут быть порядочные люди?

– Убежден, что могут. Власть, конечно, портит человека. Но прежде всего портит армия подхалимов, которая окружает человека во власти.

Окончание на стр. 22

ИТАР-ТАСС. ЮРИЙ БЕЛИНСКИЙ

Кирилл ЛАВРОВ: «Мы всегда старались обдурить цензуру»

СПРАВКА

Кирилл ЛАВРОВ родился 15 сентября 1925 года в Ленинграде в актерской семье. В 1945 г. окончил Астраханское авиационно-техническое училище. После окончания войны служил на Курилах (остров Итуруп). После демобилизации в 1950 г. был принят в труппу Киевского русского драматического театра имени Леси Украинки. В 1955 г. перешел в Ленинградский Большой драматический театр, который с 1990 г. и по сей день возглавляет. Самыми известными из созданных им на театральной сцене ролей стали Молчалин («Горе от ума» Александра Грибоедова), Соленький («Три сестры» Антона Чехова), Горюхнин («Ревизор» Николая Гоголя), Петр Мелехов («Тихий Дон» Михаила Шолохова). Широкою известность ему принесли работы в кино: Синцов в фильме «Живые и мертвые», Лапин в картине «Верьте мне, люди», Иван Карамазов в экранизации «Братьев Карамазовых», Башкирцев (прообраз Сергея Королева) в «Укрощении огня». Народный артист СССР (1972 г.). Награжден орденами «Трудового Красного Знамени», «Октябрьской Революции», «За заслуги перед Отечеством» IV, III и II степеней. С 1995 г. Кирилл Лавров — почетный гражданин Санкт-Петербурга. В 1999 г. награжден высшей Национальной театральной премией «Золотая маска» в номинации «За честь и достоинство», в 2000 г. — специальным призом Президента России «За выдающийся вклад в развитие российского кино».

Окончание. Начало на стр. 1

Товстоногов был очень властным в нашем театре, но он был еще и очень талантливым режиссером. Я помню, сколько вокруг него вилось всяких прихлебателей и как они иной раз плохо влияли на него, используя его подчас детскую наивность. Ему рассказывали какую-то фантастическую историю, а он мог в нее поверить. Он был удивительно наивен. А когда человек при такой власти да еще с такими качествами, то можно представить, как им могут пользоваться! «Ты — великий! Ты — великий! Ты гениален! Ты гениален! Ты лучше всех!» — надо иметь очень трезвые мозги и крепкую волю, чтобы противостоять этому.

— Вам доводилось играть Ленина. Наверняка знакомились с документами, когда готовили роль?

— Насколько это было возможно в те годы.

— Не было ли догадок, что не такой уж он и святой, как рисовала его официальная пропаганда?

— Нет. Мне казалось, что все, что было после него, было искажением и извращением, деградацией. Вот у меня была сцена о том, как он давал независимость Финляндии. А в это время наши войска вошли в Прагу! И я играл Ленина, имея в виду тогдашнее положение в Чехословакии. Ленин был для меня эталоном — с его пусть кажущейся, но скромностью. Я был в его квартире в Кремле, видел комнату, в которой он жил в Смольном. Разве это можно сравнить с тем, как сегодня живут?

— Вы выросли в совершенно другой стране, на других идеалах. Вас радует, что сегодня актеры стали получать большие гонорары?

— Прежде всего из служения искусству нельзя делать кормушку. Все-таки — не побоюсь этого слова — это сфера высокой духовности. Если ты служишь ей, и при этом тебе платят миллион, то — слава Богу! Но никогда на первое место нельзя ставить этот миллион.

— Кирилл Юрьевич, недавно вы закончили съемки в новом сериале Бортко «Мастер и Маргарита», где сыграли Понтия Пилата. Извините за вопрос, но, кажется, он был гораздо моложе вас?

— Сколько ему было лет на самом деле, толком никто не знает. Такие опасения были, но все-таки на эту роль утвердили меня. Могу сказать, что мне было интересно. Потому что в последнее время редко приходится работать с настоящей литературой высокого качества, где есть над чем поломать голову. Хотя возраст Пилата и у меня вызывал сомнения, но Володя Бортко меня убедил, что это — не самое главное.

— Когда-то вы вместе с Михаилом Ульяновым доснимали «Братьев Карамазовых» после смерти Пыррева. Легко ли было после такого мастера заканчивать съемки?

— Сцены суда в Мокром и разговор Ивана с чертом снимали без Пыррева. Какие-то кусочки третьей серии были сняты им — раньше ведь работали как следует, то есть серьезно и по серии в день не снимали. Но надо сказать, что после смерти Ивана Александровича мы долгое время вообще ничего делать не могли. Он был лидером и все держал в своих руках.

— Наверное, жизнь в Петербурге дает особое понимание Достоевского?

— Так получилось, что нигде, кроме Ленинграда, я долго не жил, исключая пять лет моей жизни в Киеве и восемь в армии. Конечно, жизнь в Петербурге дает особое понимание Достоевского. Я много ходил по маршрутам его героев, ведь он всегда был очень точен в описании — сколько шагов герой прошел от одного места до другого, что он увидел перед собой. У Федора Михайловича была несколько болезненная душа, и к Петербургу у него тоже была болезненная страсть — то он его ненавидел, то обожал и жить не мог без него. Это отношение я чувствую и по себе. Иногда у меня бывают такие периоды, особенно осенью — в октябре или ноябре, когда я ненавижу Петербург и чувствую, что помираю. В эти месяцы готов уехать из города куда угодно. Кстати, недаром петербургская знать в это же время уезжала из города — кто в Ниццу, во Францию, кто в Италию. Но зато потом бывает такой Петербург, который искупает все неприятности своей красотой и величием.

— А как вам нынешнее его состояние?

— Если он в течение почти столетия числился в областных центрах и соответственно финансировался, то за два года или пять лет все восстановить нельзя. Во всяком случае, сегодня он значительно лучше, чем был несколько лет назад. Очень много было сделано к 300-летию города, и фасады домов, и некоторые улицы выглядят красиво. Но в городе есть не только фасады, но и дворы, и переулки, и работы тут непочатый край — сделать все сразу невозможно.

— По-прежнему болеете за «Зенит»?

— За кого же еще? Я люблю «Зенит» и вообще ленинградский футбол. Считаю, что он всегда отличался от стиля других городов. В питерском футболе всегда была какая-то изюминка. В свое время я сам играл в футбол. Для мальчишки играл профессионально, наверное, поэтому взяли в команду ленинградского «Спартак».

— Принято считать, что в вашем возрасте люди не понимают происходящего вокруг и начинают брюзжать. А вам все понятно в современном мире?

— Это вечная проблема — уходящее поколение не принимает молодое. Я тоже многого не понимаю. На-

пример, увлечения примитивной попсой. Но, с другой стороны, вспоминая, как наше поколение в молодости было заражено джазом и как на это смотрели пожилые люди. Так что мне, может быть, что-то и не нравится сегодня, но я стараюсь быть достаточно корректным. Пошлые песни были всегда, и в наше время тоже. Зато какие чудные песни были во время войны! Какие стихи были в то время! Симоновское «Жди меня», переписанное от руки, было у каждого солдата в гимнастерке.

— Сколько вам было лет, когда вы рвались добровольцем на фронт?

— Семнадцать. У меня тогда был мальчишеский романтизм. Я искренне хотел защищать Родину, хотел попасть на фронт, чтобы с винтовкой в руках бить фашистских гадов.

— Наверное, очень обидно было?

— Еще как! Я работал на военном заводе в Новосибирске, и меня не брали в армию, потому что у меня была «бронь» и не было призывного возраста. В военкомате я всех умучил — ходил туда каждый день. В конце концов меня взяли. Но не на фронт, а отправили учиться в астраханскую военную авиационную школу механиков. В Астрахани я проучился два года и вышел из училища, когда уже закончилась война.

— Говорят, были и те, кто желал поражения нашей армии?

— Я таких не встречал. Но говорили, что такие настроения были, особенно среди раскулаченных крестьян, тех, кто был против колхозов. Говорили, что те ждали немцев, как освободителей.

— То есть желание попасть на фронт было массовым?

— Наверное, хотя все же не все хотели идти воевать. Я работал на заводе, и работать, кстати, было очень тяжело. Смены были по 16 часов, кормили нас макаронами, которые поливали какой-то олифой. После 16 часов смены еле добредешь до дома, едва успеешь ополоснуться и рухнешь спать. Через восемь часов снова на работу. И никаких выходных. До того, как я уприсил в военкомате взять меня в армию, я узнал, что в обкоме комсомола набирают на курсы радистов для заброски в тыл к немцам. Я побежал туда: «Возьмите меня!» Какой-то смешной инструктор обкома пугал меня своими вопросами: «А вот если ты попадешь в плен к немцам, выдашь своих или нет?», а я ему отвечал: «Не выдам!». Потом выяснилось, что для того, чтобы попасть в эту команду, нужно было быть комсомольцем, а я им не был. Побежал в райком, быстро вступил в комсомол, чтобы меня в ту команду, для заброски в тыл, взяли! А когда уже комсомольцем прибежал в обком, то узнал, что группу набрали и приема больше не будет...

Кажется, меня всю жизнь мой ангел-хранитель оберегал от каких-то опасных вещей. Например, я не попал на фронт — и остался жив. Может

быть, мы сейчас с вами и не беседовали бы, потому что большинство моих ровесников лежат в земле сырой. Мне кажется, что это мой ангел-хранитель постарался, чтобы меня отправили не на фронт, а в училище и чтобы я не успел попасть на курсы радистов.

— Наверное, ваш ангел вам и потом помогал?

— Наверное. Иначе как я, человек, не имеющий никакого театрального образования, стал бы артистом лучшего театра страны и 33 года проработал с Георгием Александровичем Товстоноговым? Первый театр, в который я попал, был театр имени Леси Украинки в Киеве. Тогда в нем царил удивительная творческая атмосфера благодаря его художественному руководителю Константину Хохлову. Для меня, мальчишки, пришедшего только что из армии и ничего не умеющего, была очень важна эта первая ступень моего театрального образования. С чем я пришел из армии? Там восемь лет подряд у меня был подъем в 6 утра, потом политзанятия, физзарядка...

— Вы решили уйти из армии в театр под влиянием отца, который тоже был актером?

— Нет, отец был категорически против того, чтобы я стал артистом. Династические проблемы его совершенно не интересовали. Он очень хорошо знал актерский мир и понимал, насколько это неверная профессия, насколько она зависит от случая, стечения обстоятельств. Ему казалось, что военное училище, законченное мною, — прекрасное начало. Он видел меня военным инженером и думал, что я закончу академию, стану офицером. А тут — театр! Видимо, во мне все-таки сыграли какие-то гены.

— Отец видел, как вы играли?

— Да.

— Замечания делал?

— Нет. Он, наверное, так же как и я, не был склонен к педагогической деятельности.

— У вас сегодня нет своего курса?

— Нет. Главное, что я не испытываю никакого желания заниматься этим. Мне предлагали, но, во-первых, я чувствую, что недостойн педагогики. Этой работой надо заниматься с утра до вечера, быть вместе с ребятами, воспитывать их, учить. А я человек ленивый по своей природе и не представляю себе, как можно каждый день ходить на эти занятия. Быть же свадебным генералом, как это делают некоторые мои коллеги, я не могу. Они, насколько мне известно, появляются на курсах два раза в год, а все остальное время за них пахнут их помощники.

— А как живет сегодня БДТ?

— Трудно, но стараемся не терять того знамени и предназначения, которое существует у театра. А если конкретнее, то как актеры могут жить достойно на зарплату 4,5 тысячи рублей? Театр зарабатывает немного на

билетах, и из этого фонда мы даем прибавки к зарплатам. Это хоть как-то делает жизнь актеров сносной. При этом мы не поднимаем цены на билеты — заботимся о своих зрителях. Мы не можем, как в антрепризе, заламывать цены по 3–5 тысячи за билет. К нам ходят семьи, которые ходили в БДТ поколениями. Как я могу драть с них бешеные цены за билеты?

— Как вы думаете, может ли в современной театральной обстановке появиться новый Товстоногов?

— Теоретически это возможно, так же как может появиться и новый Достоевский. Они же были такими людьми, как и все, из таких же клеток. Думаю, если театр не скатится до одной развлекательности, если будет выполнять свою огромную задачу — заниматься воспитанием людей, напоминать им, что такое добро и что такое зло, то тогда могут появиться и новые лидеры.

— Теперь вы на месте своего учителя. Задумывались ли, кому из вас было легче — Товстоногову или вам?

— Ему было легче, потому что он был природным лидером. Он был талантлив как Бог, он строил театр — это было делом его жизни. Я никогда к руководству не стремился и поэтому даже не чувствую себя на месте Товстоногова. Он был эрой, но эра его прошла. На меня была возложена задача сохранить его театр. Я понимал, что я не великий режиссер и вообще не режиссер, это не моя профессия, и строить театр я не могу. Мне надо было сохранить достойный уровень, чтобы передать театр новому лидеру, сплотить труппу, чтобы она не разбежалась, сохранить достойный репертуар, чтобы не было стыдно за то, что мы не храним того, что завещано Товстоноговым. Пусть это громкие слова, но это так.

— Удалось?

— В какой-то мере, да. Можете считать меня хвастуном, но эти 15 лет нам удалось прожить достойно.

— Ваше поколение не знало той свободы, которая есть сейчас. Многие вещи, как в истории с тем же Лениным и Чехославией, вы рассказывали через символы, держа фигу в кармане...

— И мне было интереснее тогда. Пусть это звучит парадоксально, но это так. В те времена была цензура: «Это слово выкиньте! И это нельзя!» Мы старались передурить друг друга — мы цензура, а она нас. Она ловила нас на чем-то, а мы старались обесценить ее вокруг пальца и все равно выйти к зрительному залу с тем, что мы хотели сказать. Вот в такой изощренной и изувитской борьбе часто рождались очень хорошие произведения. Поэтому я прихожу к мысли, что, когда все разрешено и все «пожалуйста!», для театра это плохо — как для артистов, так и для режиссера. В такой свободе надо иметь очень мощного внутреннего цензора.